

ЛЮБИМЫХ СТОРОЛЕЙ

У заслуженной артистки РСФСР Е. И. Мокиенко сегодня юбилей. Красноярцы хорошо знают ее по многим спектаклям краевого театра им. А. С. Пушкина.

— Екатерина Ивановна, знатоки утверждают, что искусство требует жертв. Так ли это?

— Я не очень принимаю эту примелькавшуюся фразу. Искусство, на мой взгляд, требует самопожертвования. Причем полного. Разве труд может быть жертвой, если он в радость? Я счастливый человек, потому что занимаюсь любимым делом. И еще вопрос в том, что вкладывается в понятие «жертва». Ты отдаешь себя искусству без остатка, но ты же становишься богаче, ибо оно возвращает тебе сторицей. Это вечный прекрасный закон. У каждого актера своя судьба, но одно знаю точно: легкой дороги искусство не уготовило никому.

— Кстати, как и где начинался ваш путь в театр?

— В небольшой алтайской деревеньке Миловановке. Да, именно там, вдали от больших городов и театров. Мы с мамой, как две заговорщицы, убегали тайком из дома на репетиции сельского драмкружка. Отец считал это увлечение глупостью и запрещал «попусту тратить время». Но запрет систематически нарушался, и я по вечерам с замирающим сердцем сидела за кулисами. Мне хотелось быстрее вырасти, стать актрисой.

— Мечта сбылась. Значит, можно считать — вам повезло?

— Да, но это не слепое везенье. Жизнь мне ничего на блюде не подносила. Приходилось много работать, сомневаться, искать. Да и теперь приходится. В театре столько вершин. Все не покорить. А хочется. В начале пути я встретила прекрасных людей. Моей первой учительницей была народная артистка РСФСР Вера Павловна Редлих — замечательный педагог и человек. Новосибирский театр «Красный факел», где я начинала, — хорошая школа для молодого актера. Говорят: в искусстве научить нельзя, можно лишь научиться. Значит, помимо таланта, необходим труд (истина не нова) и постоянная неуспокоенность, я бы даже сказала — неудовлетворенность. Но это совсем не значит, что актер превращается в нудного, вечно брюзжащего человека — то не так, это — не эдак, упаси бог. Просто в каждом из нас должен жить строгий критик, выносящий себе беспристрастные оценки.

— А как вы относитесь к критике?

— С уважением. Хотя порой приходится из-за нее немало слез пролить. Один из самых строгих критиков — мой муж Ефим Львович Гельфанд. Он режиссер. Помню, он ставил однажды «Легенду о Паганинии» и дал мне роль совершенно неожиданную — графини, итальянки, красавицы. А я актриса характерного плана. Ничего не получалось. Я попросту боялась себя и, честно сказать, не верила в успех! Ну какая из меня графиня. Нос курносый и вообще... А в рабочем бложном режиссера после каждой репетиции против роли «Графиня» пометки — плохо, отвратительно. Я плакала, говорила — к чему все это? Ефим Львович как ни в чем не бывало продолжал работу. И как-то перед репетицией он заставил меня загримироваться и надеть костюм. Смотрю в зеркало — себя не узнаю: графиня. И с той минуты поверила — смогу, перестала себя бояться.

— Наверняка, Екатерина Ивановна, театр дарил вам не только слезы огорчения, но и слезы радости...

— Однажды мы приехали в Даугавпилс на гастроль. Шел спектакль «Последние». Я игра-



ла там Любовь — горбунью (Горький, кстати, один из моих любимейших драматургов). Зритель был переполнен. Не знаю, чем объяснить, спектакль прошел на каком-то особом подъеме, все играли с удивительной самоотдачей, и это видимо, передалось зрителям. Когда закрылся занавес, то, наверное, минуту стояла прямо-таки гробовая тишина. А потом грянул шквал аплодисментов. Хотите — верьте, хотите — нет, но мы за кулисами плакали от счастья. Такие минуты бывают не часто, но ради них стоит жить.

— Свыше ста ролей в вашем «арсенале», каких наиболее дорогих вам?

— Во-первых, все горьковские образы: у меня, кстати, и творческая биография началась с девочки Степки в «Зыковых». Елизавета в «Марии Стюарт», главная роль в «Барабанщице», комиссар в «Оптимистической трагедии».

Вспоминаю, как мы показывали этот спектакль в Норильске. А потом было обсуждение со зрителями. Встал один рабочий, плечистый такой, и зарокотал, мешая русские и украинские слова: вышла така тоненька дивчинка, мы сразу засомневались — шо цэ за комиссар?..

У меня сердце оборвалось: не поняли, думаю. А он продолжает: «А потом, когда сыграла, мы сказали — вот это комиссар!» Мне нравятся роли неоднозначные, с волевым началом. Да, их более ста, и каждая дорога по-своему. Не могу не вспомнить и роли, созданные мною в театре им. А. С. Пушкина, и режиссеров, с которыми сейчас работаю в Красноярске. Они много мне дают.

Театр — это жизнь. В человеке сложно разобраться, столько в нем хорошего и плохого. В каждом из нас. Ангелов нет. Я стараюсь прежде всего отыскать хорошее. Но и на плохое глаза не закрываю. Пытаюсь определить, что можно простить, чего принять нельзя.

Так и в театре. Хочется донести до зрителя все нюансы образа и в то же время не упустить главного, ради чего драматург создал эту роль, сделать так, чтобы мое сердце стало бы сердцем зрителя. Самое ценное в театре не аплодисменты, а те мгновения, когда зрительный зал замирает. Значит, ты понят. Тебя услышали. А что может быть прекраснее взаимопонимания?

Беседу вела А. АНДРЕЕВА.

НА СНИМКЕ: Е. Мокиенко в роли академика Сабуровой в спектакле «Единственный свидетель» по пьесе А. и П. Тур.

14 Фев 1981

Красноярская работа